

П.Б. Миронова (Москва, Россия)

Отражение польской народной культуры в рассказе М. Конопницкой «На Масленицу»

Аннотация: Рассказ «На Масленицу» («W zapusty»), вошедший в «Книжку для Тадека и Зоси» известной польской писательницы второй половины XIX – начала XX в. Марии Конопницкой, в значительной степени строится на использовании элементов польской народной культуры, перенесенных в литературный контекст. Наиболее ярко это прослеживается в присутствующих в нем подробных описаниях народных костюмов, характерных для различных этнографических регионов Польши. Основанием для того, чтобы включить развернутые описания костюмов в ткань повествования, послужил шляхетский масленичный обычай ряжения в крестьян. В данной статье предпринята попытка ответить на вопросы, в какой степени изображения разных костюмов в рассказе Конопницкой соответствуют костюмам данных этнографических регионов в действительности, на каком основании производится их выборка, какие именно элементы включены в описание и что в данном случае понимается под народным костюмом.

Ключевые слова: фольклор, этнография, польская литература, народный костюм, ряжение

P.B. Mironova (Moscow, Russia)

The Reflexion of Polish Folk Culture in M. Konopnicka Story “W Zapusty”

Abstract: The story “At Maslenitsa” (“W Zapusty”) in “The Book for Tadek and Zosia” written by the famous Polish writer of the second half of the 19th and early 20th centuries, Maria Konopnicka, is largely based on the use of Polish folk elements transferred in the literary context. This is most clearly seen in the detailed descriptions of folk costumes in it that are characteristic of various ethnographic regions of Poland. Including detailed descriptions of costumes in the narrative became possible because of szlachta’s Maslenitsa week tradition of dressing in peasants which is presented in the text. This article attempts to answer the questions to what extent the images of different costumes in Konopnicka’s story correspond to the costumes of these ethnographic regions in reality, on what basis they are sampled, what elements are included in the description, and what in this case is understood as a folk costume.

Key words: folklore, ethnography, Polish literature, folk costume, dressing up

Мария Конопницкая (1842–1910) входит в число наиболее известных польских писателей второй половины XIX – начала XX в. наряду с Генриком Сенкевичем и Элизой Ожешко. Ее рассказ «На Масленицу» («W zapusty») является частью «Книжки для Тадека и Зоси» («Książka dla Tadzia i Zosi»), в которой собраны произведения для детей, посвященные польской природе, этнографии, фольклору, географии и истории [Конопницка 1892]. Сюжет рассказа заключается в том, что мальчики и девочки хотят нарядиться к празднику в польские народные костюмы и обсуждают их. Помимо описания костюмов, в тексте присутствуют и другие элементы польской народной культуры – фрагменты из двух польских народных песен о костюмах [Конопницка 1892: 43, 45] и рефлексии обычая рядиться на Масленицу. В данной работе мы не будем останавливаться на песнях, поскольку их подробное рассмотрение планируется в следующей публикации. Здесь представлен анализ описаний костюмов польских этнографических групп у Конопницкой, а также отражения в ее рассказе некоторых масленичных обычаев.

Как следует из названия рассказа, действие в нем происходит на Масленицу. Ряжение, вокруг которого выстраивается повествование, представляет собой одну из наиболее типичных ритуальных форм масленичных гуляний у славян [Славянские древности 2004, 3: 194]. Оскар Кольберг отмечал, что польские крестьяне на Масленицу рядились в костюмы зооморфных персонажей (вола, тура, волка, медведя), членов «чужих» профессиональных, этнических и социальных групп (цыган, евреев, чиновников, жандармов, казаков, солтысов и музыкантов), в костюмы брачных пар (деда и бабы) [Kolberg 1888, 27: 73–74, 122–123]. Данный обычай был характерен и для шляхты: «...в последние три дня масленичных гуляний <...> мужчины рядились еврейскими, цыганами, маслобойщиками, крестьянами, нищими, а женщины – еврейками, цыганками, деревенскими женщинами и девушками» [Kitowicz 1841, 4: 67]. Из приведенного описания следует, что ряжение в костюмы польских крестьян, представленное в рассказе Конопницкой, могло иметь место в действительности, однако было для шляхты лишь одним из многих вариантов [Kowalska-Lewicka 1976: 68].

Набор персонажей, в которых рядились как шляхтичи, так и крестьяне, отражает традиционное представление о карнавале как о «мире наизнанку» [Бахтин 1990: 16], выражавшееся в смене общественных ролей и социального статуса на прямо противоположные («свой» во время ряжения становились «чужими», богатые – бедными, а шляхтичи – крестьянами). Любопытно, что в этом отношении в Польше, по всей видимости, не наблюдалось полной симметрии: шляхтичи могли рядиться в крестьян, но для крестьян ряжение в шляхетский костюм было нехарактерно. Так, несмотря на встречающиеся в некоторых источниках упоминания о том, что крестьяне могли наряжаться шляхтичами [Славянские древности 2009, 4: 521], последние всячески сопротивлялись тому, чтобы крестьяне «становились» шляхтой даже во время праздничного разгула на масленичной неделе. Кроме того, вопреки кажущемуся формальному сходству акционального кода, ряжение шляхтичей крестьянами, а крестьян – шляхтичами с идеологической и аксиологической точек зрения рассматривалось совершенно по-разному: если шляхтич мог нарядиться в крестьянский костюм из патриотических чувств, особенно в период разделов Польши, тем самым оказывая крестьянам честь, подобное поведение со стороны крестьян считалось бестактностью и невежеством, а сам крестьянин в костюме шляхтича воспринимался как ворона в павлиньих перьях [Bogucka 1994: 142; Kowalska-Lewicka 1976: 72].

Прежде чем перейти к рассмотрению представленных в тексте описаний польских народных костюмов, сначала необходимо определить, что в данном контексте

подразумевается под «народным костюмом», проследить, в костюмы каких именно польских этнографических групп в рассказе наряжаются дети, и постараться понять, почему Конопницкая остановила свой выбор именно на них. В XIX в. и до 20-х гг. XX в. «народным костюмом» в Польше, как правило, называли праздничный, обрядовый костюм [Brzezińska, Słomska-Nowak 2011: 62]. В тексте представлены описания костюмов следующих польских этнографических групп: гуралей (подгальских горцев), краковян (жителей территории современного Кракова и примыкающих к нему деревень), куявян (жителей Куяв), ленчан (жителей Ленчицы и территории вокруг нее), подляшук (жителей Подлясья) и мазуров (см. рис. 1). В конце рассказа присутствует деталь, которая косвенно указывает на определенную исчерпанность данного списка польских этнографических групп: один из мальчиков начинает возмущаться по поводу того, что все костюмы уже разобрали [Koнопnicka 1892: 46].

Рис. 1. Важнейшие территории и этнографические группы Польши [Hassowa 1978: 6–7]

На первый взгляд, решение Конопницкой включить в текст именно эти этнографические группы поляков может показаться странным, поскольку в данном перечне отсутствуют, например, жители Верхней и Нижней Силезии. Пролить свет на причины подобного выбора может работа с картами. Если взглянуть на карту Речи Посполитой в 1771 г., еще до разделов [Vabirecki 1895], можно заметить, что все упомянутые Конопницкой польские этнографические группы, кроме одной, вписываются в границы Королевства Польского (Короны), и в непосредственной близости от области распространения этих групп начинается территория других государств (что имеет место на западе) или проходит граница Короны с Литвой (как это происходит с Подлясьем). Сложности возникают с мазурами, поскольку они населяли южную часть Восточной Пруссии, а данная область на тот момент не входила в состав Речи Посполитой. Однако в XIX в. мазурами называли также мазовшан, жителей Мазовии [Шетэля 2019: 179], так что Конопницкая могла иметь в виду их. Вероятно, именно

в этом значении слово «мазуры» употреблено в классификации польских этнографических групп Лукаша Голембёвского, изданной в 1830 г. [Gołębiowski 1830: 58].

Правда, у данной гипотезы имеется один существенный недостаток: в 1771 г. к землям Короны на юго-востоке принадлежала значительная часть территории современной Украины [Vabirecki 1895], а в рассказе Конопницкой ничего не сказано про этнографические группы из тех мест. Однако и этому можно найти объяснение. Аргументом в пользу того, что выборка этнографических регионов в рассказе Конопницкой все-таки отсылает к территории Королевства Польского до разделов и включает основные польские этнографические группы, по мнению поляков XIX в., может послужить упомянутая выше двухуровневая классификация Лукаша Голембёвского [Gołębiowski 1830: 12]. Сначала Голембёвский делит крестьян с точки зрения их происхождения на польских, литовских и «русских», т. е. восточных славян, населявших часть территории современной Беларуси и Украины, которая тогда входила в состав Речи Посполитой. Подобное деление соответствует границам Королевства Польского, которые нас интересуют. Польские крестьяне у Голембёвского включают в себя пять из шести упомянутых в тексте этнографических групп: краковян, гуралей, мазуров, куявян и подляшук. Данная точка зрения на то, какие этнографические группы считались в то время эталоном «польскости», а какие нет, позволяет предположить, что юго-восточная часть Короны не фигурирует в рассказе по этой причине.

Однако остается не до конца понятным, почему шестой этнографической группой, выбранной Конопницкой, стали именно ленчане. Голембёвский в своей классификации их не выделяет, а на территории Короны до разделов проживали также представители других этнографических групп. С другой стороны, описание ленчицкого костюма в тексте значительно отличается от того, каким образом там дается характеристика других костюмов. Во-первых, это единственное непарное описание костюма в рассказе, тогда как в остальных случаях в тексте присутствует как мужской, так и женский костюм определенной этнографической группы. Во-вторых, речь идет даже не об описании, а о фрагментах описания, причем с точки зрения одного из детей – мазурский и ленчицкий костюмы ничем не отличаются друг от друга [Konopnicka 1892: 45]. В-третьих, в изображениях ленчицкого и мазурского костюма присутствует взаимная путаница: красный шерстяной пояс из описания мазурского костюма в тексте не был характерным элементом костюма данной этнографической группы [Piskorz-Branekova 2007, 2: 29], тогда как для ленчан он был типичен [Piskorz-Branekova 2007, 2: 233]. Всё это может свидетельствовать о том, что ленчане в XIX в. в сознании поляков еще не окончательно оформились как самостоятельная этнографическая группа. Данное предположение отчасти подтверждается тем, что польские этнографы начинают выделять ленчан в отдельный этнографический регион только в 20-е гг. XX в. [Fischer 1926: 14].

Народные костюмы описаны в рассказе Конопницкой достаточно подробно. Всего в нем содержится одиннадцать изображений народных костюмов: десять парных, когда приводится мужской и женский костюм из одного этнографического региона, и одно непарное (ленчицкий мужской костюм, о котором уже было сказано выше). Все они строятся по определенной модели. Основными элементами народных костюмов, встречающимися в рассказе, являются штаны, рубашка, пояс, жилетка, верхняя одежда, головной убор, обувь и аксессуары, причем чаще всего упоминаются верхняя одежда, головной убор, обувь, пояс, штаны и жилетка. В изображениях женских костюмов обязательно присутствует юбка, периоди-

чески в сочетании с фартуком или корсетом. Также иногда встречаются описания женских причесок. Данные элементы могут быть характерными только для костюма одного этнографического региона и указывать на него (например, гуня, топорик и шляпа с ракушками из гуральского костюма или краковская каразея) или повторяться в описаниях от костюма к костюму (жилетка, кафтан, сукмана и т. д.). Изображения костюмов в тексте, как правило, включают многочисленные детали – форму воротника, цвет подкладки, наличие пуговиц, тесьмы, лент и т. д.

Вопрос о степени совпадения описаний костюмов в рассказе с тем, как они выглядели в действительности, является очень сложным, поскольку каждый исследователь по-разному определял границы и количество польских этнографических регионов [Bystroń 1926; Fischer 1926; Gołębiowski 1830], а народный костюм всех этнографических групп менялся с течением времени и обладал определенной вариативностью. На основании сопоставления текста рассказа с источниками, которыми мы располагали, можно сделать следующие выводы. Гуральский мужской костюм (под которым у Конопницкой подразумевается костюм гуралей Подгалья) в точности совпал с его описанием в тексте [Dziadowiec 2010: 67–69; Hermanowicz-Nowak 2014: 106–108; Matlakowski 1901: 153–159; Zienkiewicz 2017: 10, 35]. Что касается остальных описаний костюмов в рассказе, все они достаточно во многом совпадают с данными в источниках, однако в каждом из них встречается по крайней мере одно или несколько несовпадений. Данные несовпадения могут быть различного характера. Чаще всего они касаются наличия или отсутствия конкретного элемента одежды в данном регионе либо цвета, орнамента, формы, материала или определенной детали одежды (ленты, тесьмы, пряжек). Так, парчанка (белый кафтан ниже колен) встречается в описаниях билгорайского, а не подлясского народного костюма [Piskorz-Branekova 2004, 1: 100], как это сказано в тексте. Краковская шапка-конфедератка (*rogatywka*) традиционно была красного, а не белого цвета, хотя ее часто носили с белой сукманой, что могло повлиять на выбор данного цвета в рассказе. В остальном краковский мужской костюм описан довольно точно [Piskorz-Branekova 2004, 1: 114–122]. Обувь краковянок обычно представляла собой черные кожаные сапоги на шнуровке, тогда как в тексте упоминаются башмаки с пряжками [Piskorz-Branekova 2004, 1: 121, 127]. Кувявский мужской костюм практически полностью совпадает с описанием в тексте, однако неизвестно, была ли на соломенной шляпе ленточка, и если да, то какого цвета [Mikułowska 1953]. Сильнее всего от изображения в тексте отличаются подлясский женский и мазурский мужской костюмы, но и в их случае расхождения не слишком велики [Piskorz-Branekova 2004, 1: 95; Piskorz-Branekova 2007, 2: 24–34, 126–141]. Кроме того, некоторые элементы из описаний костюмов в рассказе просто не упоминаются в источниках из-за своей невысокой значимости для костюма в целом; например, когда речь идет о белых чулках или цветах, воткнутых в головной убор. Таким образом, польские народные костюмы описаны в рассказе Конопницкой с высокой степенью точности, а несовпадения их описаний с источниками могут объясняться как вариативностью народных костюмов и относительностью границ этнографических регионов, так и тем, что, несмотря на свою ярко выраженную дидактическую функцию, рассказ Конопницкой все-таки является художественным произведением, а не научной работой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с. / Bakhtin M.M. (1990) *The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 543 p.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К–П / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. 704 с. / Tolstoy N.I. (Ed.) *Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vols. Vol. 3*. Moscow. Mezhdunarodnyje Ot-nosheniya Publ. 2004. 704 p.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4: П–С / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. 656 с. / Tolstoy N.I. (Ed.) *Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vols. Vol. 4*. Moscow. Mezhdunarodnyje Ot-nosheniya Publ. 2009. 656 p.

Шетеля В.М. Словарь полонизмов русских текстов XIX–XX веков. М.: Прометей, 2019. 438 с. / Shetelya V.M. (2019) *Dictionary of Polonisms of Russian Texts of the 19th–20th centuries*. Moscow. Prometheus Publ. 438 s.

Babirecki J. (1895) *Polska w roku 1771*. Kraków. Spółka Wydawnicza Polska.

Brzezińska A. W., Słomska-Nowak J. Czy i jak badać dziś strój ludowy? W: Rusek H., A. Pieńczak (red.). *Etnologiczne i antropologiczne obrazy świata – konteksty i interpretacje*. Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Kłodnickiemu w 70. rocznicę urodzin. Cieszyn, Katowice. Uniwersytet Śląski w Katowicach. 2011, ss. 62–74.

Bogucka M. (1994) *Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. 229 s.

Bystron J.S. (1926) *Wstęp do ludoznawstwa polskiego*. Lwów. K.S. Jakubowski. 176 s.

Dziadowiec J. Góralskie reprezentacje, czyli rzecz o Podhalach i ich kulturze. *Zeszyty Naukowe TDUJ*. 2010. No 1, ss. 67–91.

Fischer A. (1926) *Lud polski. Podręcznik etnografii Polski*. Lwów. Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. 240 s.

Gołębiowski Ł. (1830) *Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony*. Warszawa. W drukarni A. Ga-łęzowskiego i Spółki. 325 s.

Hassowa A. (1978) *Ważniejsze terytoria i grupy etnograficzne*. W: Pokropek M. *Atlas sztuki ludowej i folkloru w Polsce*. Warszawa. Arkady, ss. 6–7.

Hermanowicz-Nowak K. The Costume. *Ethnologia Polona*. 2014. No 35, ss. 101–123.

Kitowicz J. (1841) *Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III*. T. 4. Poznań. Edward Raczyński, druk. Na Garbarach. 189 s.

Kolberg O. (1789) *Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce*. Wielkie Księstwo Poznańskie. Cz. 4. Kraków. Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego. 335 s.

Kolberg O. (1880) *Mazowsze, cz. IV. Dzieła wszystkie*. T. 27. Kraków. Druk Wł.L. Anczyca i Spółki, pod zarz. J. Gadowskiego. 400 s.

Konopnicka M. (1892) *Książka dla Tadzia i Zosi*. Kraków: S.A, Krzyżanowski, druk Wł.L. Anczyca i Spółki, pod zarz. J. Gadowskiego. 222 s.

Kowalska-Lewicka A. *Ludowy strój krakowski – strojem narodowym*. *Polska Sztuka Ludowa*. 1976. No 2, ss. 67–74.

Matlakowski W. (1901) *Zdobienie i sprzęt ludu polskiego na Podhalu. Zarys życia ludowe-go*. Warszawa. E. Wende. 176 s.

Mikułowska H. (1953) Strój kujawski, Atlas Polskich Strojów Ludowych. Poznań. Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. 64 s.

Piskorz-Branekova E. (2007) Polskie stroje ludowe. T. 2. Warszawa. Wydawnictwo Muza S.A. 240 s.

Piskorz-Branekova E. (2004) Polskie stroje ludowe. T. 1. Warszawa. Wydawnictwo Muza S.A. 204 s.

Zienkowicz L. (2017) Stroje Narodu Polskiego z wiernym opisem jego obyczajów, zwyczajów i sposobu bycia. Warszawa: Grafika. 141 s.

Сведения об авторе:

Полина Борисовна Миронова,
аспирант
филологический факультет
кафедра русского устного народного
творчества
МГУ имени М.В. Ломоносова

Polina B. Mironova,
Postgraduate Student
Philological Faculty
Department of Russian Folklore
Lomonosov Moscow State University
diana_middels@mail.ru